

Сергей Лукницкий

Луч звезды

W. H. Adams

Сергей Лукницкий

Луч звезды

Стихотворения

Русский Двор
Москва
2009

Лукницкий С.П.
Л84 Луч звезды. Стихотворения — М.: Русский
Двор, 2009. — 128 с.
Составитель — О. Л. Медведко.
e-mail: medved12@mtu-net.ru

При оформлении книги использованы фотографии из семейного архива Лукницких, а также иллюстрации художника Ольги Соколовой.

ISBN 5-88752-064-1

В новую книгу Сергея Лукницкого «Луч звезды» вошли стихи разных лет о жизни и смерти, любви и дружбе, творчестве и искусстве, поиске веры и смысла жизни.

От составителя

Страшно произнести эти слова, но этот сборник посмертный. При жизни Сергея Лукницкого была издана лишь одна маленькая книга его стихов под названием «Глоток мимозы» (М., Спас, 1996). Автор выпустил ее под псевдонимом Кирилл Павлов. Любопытная деталь: предисловие к этому сборнику написал некто Анатолий Грант. Когда Сережа подарил мне свою книжку в 1997 году, я как-то не обратила внимания на это имя. А сейчас мне захотелось узнать, кто же это. Я просмотрела многие справочники — такого поэта нет! Потом мне попал в руки сборник стихов «Волчец» Павла Лукницкого (Ленинград, 1927 г.). Каково же было мое удивление, когда я увидела, что первый сборник стихов Сережиного отца был посвящен Анатолию Гранту. Кто он — этот загадочный Грант, и сколько же ему лет? Здесь явно крылась какая-то тайна. Наконец мне удалось выяснить, что Анатолий Грант — один из псевдонимов Николая Гумилева! Того самого Гумилева, которого расстреляли в 1921 году с благословения В. И. Ленина. Позже воскрешению имени и реабилитации великого русского поэта-романтика посвятили значительную часть своей жизни сначала Павел, а затем и Сергей Лукницкие.

Оказалось, Сергей сам написал предисловие к своей книге стихов. Это настолько в его духе! Как наяву вижу хитрый прищур его глаз и добрую улыбку — он был бы очень доволен, что заинтриговал нас и заставил узнать что-то новое. Он обожал мистификации, потому что они придают нашей жизни флер таинственности и игры. Любимый Сережин поэт как бы благословлял и напутствовал первый поэтический сборник человека, который вступился за его поруганную честь и вернул стране доброе имя *Николая Степановича* Гумилева. Кстати, один из Сережиных псевдонимов был *Николай Степанов*. Вот уже почти сто лет, как имена Николая Гумилева и Лукницких переплелись и стали неразделимы.

В сборник «Глоток мимозы» вошли ранние стихи Сергея. Единственным признанием его поэтического таланта были восхищение и аплодисменты довольно узкого круга друзей и знакомых. Сережа легко и непринужденно, как бы мимоходом, одаривал нас остроумными экспромтами к дням рождения или по случаю каких-нибудь других торжеств. Начав писать стихи довольно рано, Сережа вскоре применительно к себе разочаровался в жанре «стиховТОрения», как шуточно он любил называть свои поэтические этюды. И, как бы в оправдание, на подаренной мне книге стихов он написал:

Мне прозой воздается за грехи,
И крест тяжелый я несу за это.
Я слишком грамотно пишу стихи,
Чтобы всерьез считать себя поэтом.

Название предлагаемого читателю поэтического сборника — «Луч звезды» было взято из Серезиноного стихотворения. Оно как нельзя более точно передает творческое пространство автора. В эту книгу я постаралась собрать то, что пока удалось найти. Это была нелегкая задача, потому что многие стихи оказались разбросаны по разным записным книжкам или наспех, неразборчиво нацарапаны на клочках бумаги. Расположение стихов в хронологическом порядке затруднялось тем, что Сергей не всегда ставил даты под ними. Некоторые стихи существуют в нескольких вариантах или незакончены, но я посчитала нужным включить их тоже (да простит меня Сережа!). Однако даже незаконченные или неотшлифованные стихи позволяют оценить Серезю как яркую талантливую личность, ощутить, какой мощный творческий потенциал нес в себе этот незаурядный человек, и какой трагедией было для всех нас так рано потерять его.

В будущем году планируется издание сборника статей, посвященных Сергею Лукницкому, его жизни и творчеству. Ведь пока жива память о человеке, он продолжает жить вместе с нами. В одной из Серезиных записных книжек я нашла такое высказывание: «Достаточно одной жизни, чтобы не умереть никогда». Его жизнь была настолько насыщенной, содержательной и многогранной, что он не умрет никогда...

Ольга Медведко

Ранние стихи.
Сборник «Глоток мимозы»

Предисловие к сборнику «Глоток Мимозы»

Сергей Павлович Лукницкий как поэт умер только радившись.

В свои восемнадцать он уже занялся прозой и с тех пор, двадцать с лишним лет, пишет сказки и рассказы, повести и романы. Это произошло от того, что судьбе было угодно бросить его в пределы изнуряющей и убивающей работы — политики.

Все же я предлагаю вниманию этот единственный, составленный собственноручно автором в младенческом возрасте, его поэтический сборник «Глоток мимозы». Может быть, современный читатель обратит свое внимание на стихи, представленные в нем, ибо они чисты и изящны, хотя и несовершенны. Ведь поэт ленив, хоть лебединый в его душе не меркнет день...

Стихи написаны в то благодное время, когда автор не был ни советским офицером, ни правительственным чиновником, ни автором книг: «Когда придут красные», «Мамочкин социализм», «Семь минут против Бога», а был он влюбленным в мои стихи и женщин...

Когда я был молод, я внушал каждому стихотворцу, что поэзия — это лучшие слова в лучшем порядке и провозглашал беспощадную формулу Теофиля Готье: «L'art robuste seul a l'éternité».

Я не изменил себе.

Но я стар... и поэтому мне приятно сделать представление сборнику, автор которого — мой духовный посол, а его творениям я предпосылаю две строки из «Молитвы мастеров»:

*Что создадим мы впредь, на это власть Господня,
Но что мы создали, то с нами и сегодня.*

Анатолий Грант

* «Настоящее искусство достойно вечности» (фр.)

Час

Остановилась секундная стрелка,
Но, казалось, она еще живет.
Казалось, что она двинется,
Казалось, еще только один оборот,
Дотянуть один круг
Глубокий, как тарелка —
Часы раздвинутся.
И освобожденное время
Потоком
Зальет все вокруг.

Вдруг
Не зальет?
Как будто током
Меня осенило,
«Вот ставит ночь свои ветрила»,
Становится чудно,
Как будто слово,
Опускается... без звука, или опять
Секунд — мгла.
Но почему так трудно
Протянуть руку,
Чтобы она снова
Жила.

Зима, 1970

«В возрасте двух лет я начал осознавать суетность мира и старался «заговорить» ее» (из автобиографии Сергея Лукницкого).

Ребенок

Повстречался мне вчера ребенок
С чистыми глазами старика.
В радостной улыбке из пеленок
Он глядел на мир наверняка.

Я спросил его во имя счастья
Для чего ты, маленький, велик?
Почему как будто бы причастье
Мне твой первый долгожданный крик.

И ответил он, на небо глядя,
Взгляд его, как солнца луч прямой:
— Добрым надо быть пророком ради,
Ради правды, мудрой и святой!

Поразился я, а голос звонок
Все летит, прорезав облака.
И спускается ко мне ребенок
С чистыми глазами старика.

1969

А люди осчастливятся, как дети...

Глоток мимозы

Глоток мимозы и дыханье ветра, —
И все это — одно прикосновенье
Тех нежных губ, и сладостная мысль.

И все это, наверно, скоро будет,
И звезды с неба станут падать, плача,
А люди осчастливятся, как дети!

Меня, конечно, здесь вы не найдете,
Я поплыву по царству Аонид
Писать стихи, тот воспевая мир...

*Первое стихотворение,
лето 1968, Переделкино*

Часов властелин я, минут и секунд.

Умершее время

Встали часы,
Что двигали в вечность время.
Стрелочки усы
Оставили стремя.

И мир изменился.
Но лучше ли стал?..
Ведь именно в этот миг
От Рафаэля пришел к нам бродяга Шагал
И к вечности грудью приник...

Часов властелин я, минут и секунд..
Шутя и греша,
Милльоны мгновений извел.
Я взял время в руки,
Ничуть не спеша,
Его осторожно завел...

1969

Наводнение

Над трехсотлетним Петроградом
Опять волнуется Нева.
Перед затопленным фасадом,
Побитым пулями и градом,
Водой покрылись острова.

Традиционный, дикий танец
В столетье раз ведет волну.
А в синеве — протуберанец,
А на Неве поблекший глянец.
И не во сне, а наяву.

Нева в предутренней обиде
Рвалась из лап гранитных львов
К полям морским и к Антарктиде,
Чтобы замерзнуть в пьяном виде
У ледовитых берегов.

Снята блокада

Блокада прорвана.
И тысячи сердец
Забилась и раскованней и звонче.
Сапфир вплетен в Победный сей венец,
А там, глядишь, вообще войну закончим.

Блокада прорвана. И множество людей
В тот час могли счастливо улыбнуться
Улыбкою всегдашней своей,
Той, что бывает только у людей,
Которых не заставили согнуться.

А Ленинград стоит непокорен.
А в небе еще слышен гари запах.
И кровь знамен. И самолетов звон
Летящих, но теперь уже на запад.

27.01.1973

Церковь

Шел бой, один из тех, что избавленье
Готовил миру в тот тяжелый год.
Великой силой шло освобожденье
И властно требовало
Свой черед.

А вражий танк был странно равнодушен.
Он даже не взглянул на синий храм.
Он выплюнул огонь.
Святые души!
И сам на mine — превратился в хлам.

Бесчувственный убийца стал смиренней.
Пред храмом раненым,
Среди кровавых слез
На стаявшей проталине весенней
Стоял в обломках древних стен — Христос.

И новый день.
И вечность спозаранку.
Планета голуба, безветренна, чиста.
...Там и сейчас лежат останки танка
У снежных ног распятого Христа.

Москва

Эта улица недлинная, называется Неглинная,
Она из камня и на камне.
Она зеленая, невинная,
И отдается без труда мне.

Она бессонная, железнонеоновая
Среди тысячи тысяч улиц.
Она цветущепионовая,
И громовая от крика чугунных куриц.

Смерчем, падающим струями на паперть.
Река, несущаяся насмерть,
Кремль — башенки и купола,
Небо голое, земля гола.

Москва! Остров древний,
Была деревней.
Москва!
Снилась мне Москва,
Дева да краса...

5.11.1972

Карелия

Люблю весенние метели я,
Когда, взметая полем пыль,
По руслам рек к тебе, Карелия,
Меня несет автомобиль.

Под утро шпалы золотистые
Блещат, как вход в смолистый рай.
Поля еще спокойны, чистые,
И слышен тихий птичий грай.

А вечером чуть-чуть измученный
Столь непривычно длинным днем
Я слышу старые уключины
На шлюпке в озере большом.

И вскоре тьма. За сосны стройные
Короткой ночью, до утра,
Заходит прятаться спокойная,
Днем незаметная гора...

Рига

В соборе Домском сумеречно, странно,
Как в диком, в детстве пережитом сне.
Объемный звук старинного органа
Плывет, дробясь в проломленном окне.

Откуда он, тревожный и великий,
Все потопивший в звонких кружевах?
Нечаянно расплесканные блики
Играют на высоких витражах.

Такие краски! Словно год от года
За всем прекрасным набожно следя,
Не старилась, а старила природа
Все, кроме их небесного огня.

Немного, верно, кажутся печальней,
Осыпавшись, мозаичные сны.
Я вижу меченосцев в белой спальне —
Таинственном преддверии весны.

О, Рига! Утомленная величьем,
Зачем тебе старинный их убор?
Иль, думаешь, готическим обличем
Пленить теперь туристов жадный взор?

И для какой неведомой забавы
Твои средневековые валы?
Ведь воды темной, хмурой Даугавы
И летом неприветливо полны.

Я еще юн, и восемнадцать
Мне не понятно — что такое.

Константиново

На пригорке село родное
Константиново голубое.
А в Оке огромные бревна,
И плывут они медленно, ровно.

И, скуля от всегдашней драки,
По дороге бегут собаки.
И наверно, они потомки
Синеглазой, пушистой суки,
Что кусала поэту брюки
И визжала ласково, тонко.

Дом бревенчатый, ярко-синий, —
В дымке, как будто покрытый инеем.
Золотисто-волосый, поджарый
Здесь певал молодец с гитарой.

Вдруг нахлынувший ветер осенний
Распахнул порывисто плащ,
На меня пахнуло Есениным
И таким знакомым, хоть плач.

А с пригорка в реки излучину,
Попадая в нее наугад,
Брызнул месяц, такой измученный,
Как тогда, полвека назад.

1973

Париж

Предводитель рыжемордых панков,
Я приехал из Мари-Иври.
Заплатил сто сорок девять франков
В близлежащем шопе — «Монопри».

Я купил большую емкость виски,
Три бутылки красного вина,
Сыру пять сортов, жамбон, сосиски,
Помидоры, фрукты и слона.

Нет, серьезно, мясо элѐфанта,
Хвост акулы и чуть-чуть яиц.
Майонез, седло для Росинанта,
Устриц, авокадо и синиц.

А когда прилично упакован
Я поплелся в теплый отобюс,
Родилось в моем сознание слово,
Это слово было: «Обожрись!»

Памяти Пикассо

Все также солнце. И Париж весенний,
И там вдали Пуссена облака.
Звенят мосты, умывшись утром в Сене
И вспоминают прежние века.

Нет, я не верю.
И не в смерти дело.
Да,
Бренны все и люди, и дожди.
Но почему искусство не успело,
Секунде страшной крикнуть: «Подожди!»

Иль в небесах бездонного пожара
Заря прощающегося огня.
Заплаканная девочка, что с шара,
Уснет в лучах трагического дня?

И мне печально, но совсем не страшно,
Порвалась нить, вязавшая года.
Снимите шляпу, Эйфелева Башня!
Сдержите слезы.
Это — навсегда!

Папе

Вот скоро будет этот день,
Который был не раз уж ране.
Опять на Землю ляжет тень,
И тот же самый злой землянин
Случайно кнопку вдруг нажмет...

Нептун над взрывом посмеясь,
Указывая в нас закатом,
Промолвит, в воду погружась:
«Вот до чего довел их атом».
Милльоны стонов слышит мир...

Пройдут века, милльоны лет,
Для тех, чья жизнь — ее основа,
Ее, той кнопки, вбитой в бред,
И все опять начнется снова...
Идиот. Кумир. Вампир...

Клен

Упоительно красный клен
Я увидел вчера в лесу.
Завороженный, был влюблен
В золотую его красу.

Медом пахнувшая трава,
Засыпая, сказала мне:
«Поскорее лови слова!» —
Но я думал не о траве.

Вечерел уже небосклон,
И ласкала оса осу,
Когда огненно-красный клен
Повстречался мне в том лесу.

А я, одинокий, танцую рондо
Под хохот медуз и стоны волны...

Берег

Я каждую ночь встречал Джоконду
У дивного моря в черной тоске.
Мы каждую ночь танцевали рондо
При свете луны на синем песке.

По лунной дорожке в плешивой пене
Я шел собирать жемчужный блеск.
Марине, Татьяне, Ольге и Лене
Дарил я прощальный огненный всплеск.

Вот я возвратился, и нет Джоконды.
Она улетела в бездну луны,
А я, одинокий, танцую рондо
Под хохот медуз и стоны волны...

1968

Чувство

Знакомы ль мы с понятием Души,
С ее враждой, неясной нам, но смелой,
С ее огнем, роящимся в тиши,
И дикой, дивной преданностью телу?

Душа мужчины женственна и зла,
А Тело грубо, мужественно, жадно.
И в сладкий миг, в мгновение без сна
Ему и беспокойно, и неладно.

А женщины Душа — как пенье птиц.
А Тело пьяно, как всегда, как море.
В ней все едино: на коленях — ниц
Пред ней смятение, покой и горе.

...Но, если души, вылившись во тьму,
В секунду страсти снизойдут до Тела,
Родится Чувство, равное тому,
Что вечно ждет, не ведая предела...

1968

Отступление

Отступали мамонты на юг,
Чтоб продлить неопытность природы.
Полз ледник на красный теплый луг,
Подминая вечность, руша годы.

Словно смерч, планетный неся гвалт
От бегущих ног, топтавших иней.
С мерзлой землей ледовый вал
Воцарился, властвуя в пустыне.

Не могли косматые слоны
Обуздать бесстрастную природу.
И никто не чувствует вины
За замерзшую в снегах свободу.

Но исчез ледник. В каких лучах?
Одолело солнце, ветры, ливни.
Только космоса беззвучный страх
Лунным светом обливает бивни.

Сонет

Математическая формул красота,
Учителей незыблемые лица!
Им все равно: что гений, что мокрица,
Что путь до Водолея, что верста!
Была бы только формула свята,
В теорию закована мечта,
Чтоб хор учеников смел восхититься:
«Вот только так мог этот мир родиться!»
...Да здравствует учителей стопа:
Она, друзья, — надежная тропа
К ответам на бессмертные вопросы
Любого, кто хоть малость — Ломоносов!..

18.2.1972

Сатурн

Из космоса меж звезд летя,
Сатурн, ноктюри свой исполняя,
Всерьез, иль вдруг, полушутя,
Сандаблей солнце зацепляя,
На Землю ниспослал сирень.
Трезубец, в море окунувши,
Он вымел от вулкана тень,
Вселив в нее святые души.

Смерть

Когда закончит мерный бег
Твое ужаленное сердце,
То кровь, пролившись в мягкий снег,
Найдет в нем хлад единоверца.

Тогда душой, почуя твердь
Незаскрипевшей половицы,
Ты позовешь святую смерть
Сквозь окна выцветшей светлицы.

И, побледнев, проговоришь,
Нимало не страшась при этом:
«Как хорошо, что Шарль де Гиш
Мне был и Богом, и поэтом».

Жизнь прожить

Чтоб жизнь прожить навечно, навсегда,
Ее прожить нам надобно до дна!
И не страшись, непризнанный поэт,
Что не найдешь ты денег на обед.
Через столетья, может быть, лишь Ты
Ответишь на вселенские мечты.

Рожденье солнц — в страданиях — не боль.
И не кричи трусливо Ты: «Уволь!»
Моим отцом мне был когда-то сказан
Хороший стих, он яростен, как взгляд:
«Сын, свет звезды, открытый нашим глазом,
Рожден для нас миллионы лет назад...»

Поэт

Поэт, назови час.
Поэт, воспали век.
И я — отраженья глас
Увижу — ты время бег.

Пиши в золотом сне,
Пиши, чтобы пел мозг,
Чтоб было весело мне
Меж тихих вечерних звезд.

А если писать лень,
И сердца не слышен бой,
Скорей прокляни день
Последний спокойный свой.

Озарение

Мне искра освещает путь к стихам,
Мгновенной вспышкой своего паденья.
Я скуп в желаньях, и не верю снам.
Но искры мало для стихотворенья.

Мои стихи бестрепетны, мертвы.
Что мне поведать звездам в оправданье?
Что искра осветила мне, увы,
Всего-то каплю моего сознанья.

Пройдет восторг — минутный господин,
Унынья и, быть может, увлеченья.
И я опять среди бездушных льдин
Один веду мой парус по теченью.

1.12.1972

Самооправдание.
Я еще не, а 38
Лени не считал его своим.
Зачем не считать мертвым?
Но зачем ужалов и начал?
Устал над сформованной и
Я все устал и начал...
Всего всего 2 года
Мне там было 38
И много было...
Моя история в этот год...
Н. Степанов 62.22

Автограф стихотворения С. Лукницкого «Самооправдание». Подписано псевдонимом Н. Степанов, 1972 г.

Самооправдание

Я еще юн, и восемнадцать
Мне не понятно — что такое.
Иду по комнатам слоняться
От слишком явного покоя.

Устал над строчками потеть я,
А все иное — просто лень...

Ведь через два десятилетия
Мне тоже будет тридцать восемь,
И может, Болдинская Осень
Меня настигнет в этот день.

6 февраля 1972

Мужественность

А что такое мужественность нам,
Так непонятно избранным природой?
Сестра ль душе? Или призыв к мольбам?
Иль наслаждение своей свободой?

Мужчинами повержен Вавилон,
Задуман космос, да и пирамиды,
Отвергнут Бог, разрушен Парфенон.
Затоплены пространства Атлантиды.

Но женщина на руку оперлась
Всею первозданностью своей единой.
В ней вдруг проснулась женственная власть
Над покровительствующим мужчиной.

И в этот миг — нет войн на всей земле,
Идет строительство колодца в Риме
В предутренней, еще холодной мгле,
А пирамиды покрывает иней...

Пятна на солнце

Посмотрите на небо:
В нем зеленое солнце,
И на солнце — темные пятна.
Это в доме Эреба
С крыши падает стронций,
Неужели Вам не понятно?

Это в свисте и хрусте веток
Опрокинулась вдруг Нева
И, избавившись от виньеток,
Потекла по земле она.
И, заполнив пустынный ров,
Обратилась она в альков
Над Лебязьей канавкой, знаешь?
Ты давно там уже не гуляешь,
Ты теперь живешь далеко,
Надо ехать автобусом «сто»...

Синий-синий, уютный автобус,
Чуть похожий на сплюснутый глобус...

И минут через тридцать пять
Я смогу тебя целовать,
Целовать то зеленое солнце
И смотреть на него из оконца.

Неужели Вам не понятно,
Для чего мне на солнце пятна?

Ноябрь, 1971

Искусство

Что помню я, что вижу меж планет?
Искусство?
Это та, что у фонтана —
Пять тысяч лет все отвечает: «Нет...»
(Искусство — как дымящаяся рана).

Что помню я, что вижу среди льдов,
В песках пустынь, в которых нынче воды,
В которых и колибри, и слонов
Гнетет одно: старение и годы?

Я вижу в этом только торжество,
То, вечно переполненное чувство.
Всем существом я спрашивал его:
— Скажи мне, как является искусство?

Ведь миг зачатия мне не ощутим,
А творчество настолько безвозмездно,
Что даже, если очень захотим,
То не поймем божественные бездны.

Стремленье к новому — старинная печаль,
С ней я теперь борюсь трудом познания,
И закаляется, как в горне жарком сталь,
Мое и ощущение, и сознание.

Лишь желтый Будда в камень облачен,
Приснившейся под утро мне так рано...
Был весь опутан, как Лаокоон,
Большой змеей, закованною в мрамор.

12.10.1972

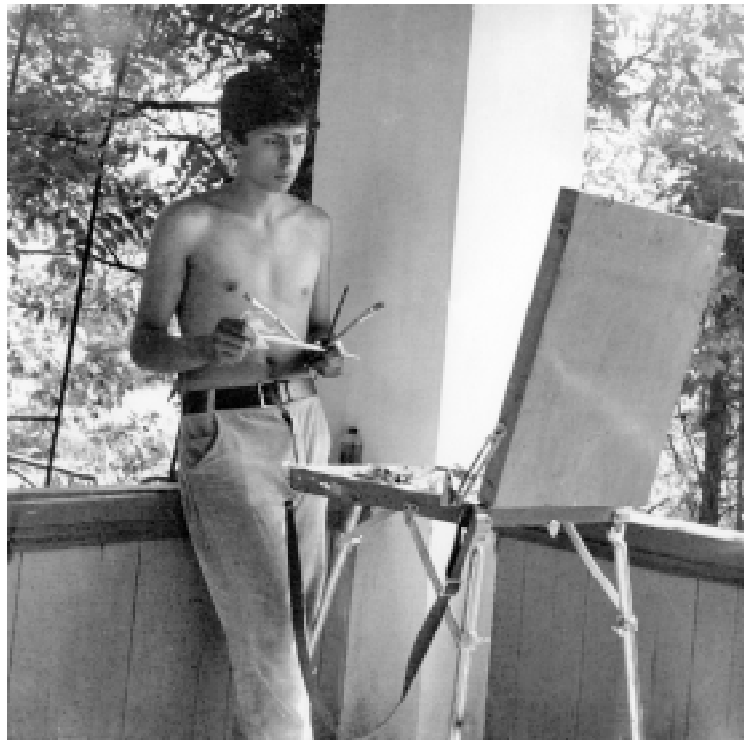
Фреска

*«Фреска Рафаэля в реставрации» —
объявление в Эрмитаже*

Мадонна Констабиле
Мчится в автомобиле.
К звездам летит машина,
Черную выгнув спину.
Мадонна рукой касалась,
Как будто сопротивлялась.
И тонкий узор багета
Сверкает будто ракета.
И вот уже грань Вселенной
Мадонны той, несравненной...

Мчится быстрее света
Время, как та ракета.
Мадонна вдаль улетала
И сына к груди прижимала.
А там, где она висела
Остался лишь запах тела.
И в зале пустом, огромном,
Для искусства хоромах,
Стою я и думаю: «Кто же
Ее заменить мне сможет?»

Октябрь 1971

«Прекрасен мир!» — он красками кричал...

Художник

Когда он вывалил на бедный холст
Все то, что бред его мечтаний нес,
Он был тогда творцом. И был он прост
На той земле древлян, могучий росс.

И полон был мечтаний взор творца,
Живя вне времени, и в никуда стремясь,
Не думал побеждать ничьи сердца,
И цель сама его несла, светясь.

В заботе лишь о том, чтоб холст пылал,
Он, как наркотик, сверху клал кармин,
Он вздрагивал, по комнатам шагал
И принимал шипучий аспирин...

И вздрогнул холст!.. набросок... И — лицо!
Он создает мир, как только сам мечтал.
В глазах его — слеза. И понимая все,
«Прекрасен мир!» — он красками кричал...

Коту Ахматовой

Я — Глюк. Я — кот. Нет, полтора кота.
Я письма получал из Франции,
Любил я музыку, классические танцы и
Мышку белую... одну из ста.

Пушист мой хвост, и мудр белесый ус,
Глаза блестят, как лунная эссенция,
И ожерелье из янтарных бус
На шею мне повесила Флоренция.

Судьбой мне уготован странный век...
Не много, верно, знает человек:
Меня, земного, теплого, лохматого,
Касалась та, великая Ахматова.

Октябрь 1971

Кошечка

Прохлада за окошечком.
Молчит уснувший лес.
Бредет по стуже кошечка.
В глазах у кошки — бес.

По холоду, мурлыкая,
Так мягко, словно спит.
Ступает, остроликая,
Как будто, говорит:

«Как девица похожа я
На огненную сонь,
Мурлычу, темнокожая,
На розовый огонь»...

Да будет Тебе счастьеце!
На убранном слоне
В ночь с четверга на пятницу
Ты снова снилась мне...

Осень, школа, 1968

Молитва

И звуки горна в южной тишине
Бегут от моря, небосклон пронзая.
Мне грустно, и в небесной полумгле,
Тебя, тебя я вижу, золотая.

Вот Ты идешь одна, совсем одна.
Перед Тобой зеленые ступени.
И мне не видно с голубого дна
От платья Твоего шуршащей тени.

Не выношу я кладбищ и крестов,
Они напоминают мне бессилье.
Как горы через тысячу веков,
Иль как орел, в огне обжегший крылья.

Но среди крестов и полукруглых крыш,
Притягивающих сознание,
Ты почему так радостно стоишь,
Перед распятым молвя заклинанье?

1969

Кабриолет

Однажды ночью в кабриолете
С платком на шее, пером в руке
Писал канцону при лунном свете
Я самой стройной своей Шокке.

Канцона билась, перо скрипело,
Изнемогая в потоке слов...
И только арфа едва успела
Пропеть изысканных пять стихов.

То были удачи и прочьи бредни,
Я продолжал нестись вперед.
И вот предо мною уже последний,
Но самый желанный, мой поворот.

Ты вспомнишь меня, взглянув на звезды,
Когда вдруг начнется полет комет.
Теперь уже поздно, слишком поздно!
Быстро несется кабриолет.

1969

Чернокудрая

Я шел дорогою манящею.
Как звезды бились янтари.
Я видел женщину, сидящую
В седле предутренней зари.
Под нею горные, восточные
Цвели, как розы, облака.
И длань, прозрачная, порочная,
Так обольстительно легка.

И драгоценными Сатурнами
Хотел обсыпать в небе ту,
Что чернокудрыми ноктюрнами
В меня бросала пустоту.
Обожествлен мечтою дальнею,
Один, меж падающих дней,
Я клялся розовою спальнею,
И плакал, думая о ней.

А ныне, подчинив сознанию
Рожденное в моих мечтах,
Я вырвал искр своих желания,
И растоптал их черный прах.

Самой легкой
(стихи в альбом)

В проемах темной анфилады
Полурастворенных дверей
Я вижу каменных царей
Не представимые громады.

Они безмолвно стерегут
Покои трепетной царицы.
Покои легкокрылой птицы,
Ее покой, ее уют.

Она движением одним
Их заставляет рев отчаянья
Сменить на тихое ворчанье...

С эбеновых часов гоним
Поэтов беспощадный рой.
Он утолит ее сознание.
Она — невеста мироздания,
Ее бежит их гулкий вой.

Как упоительно сильна
В ней жажда чувственного братства:
«Ах, милый друг, не святотатствуй,
Я памятью своей больна...»

Четверостишие

Посвящая N

.....
.....
.....
.....

Сон

Малиновый приблизился закат,
Античной полыхнуло красотою.
И две реки, как руки возлежат,
И лютня утомляется игрою.

Навстречу мне — невольный хоровод
Ацтеков, луки натянувших смело.
Метель и солнце, голубой прилив,
И чувств гряда, вспяянных до предела.

Где видел это я, когда, зачем?
Да видел ли вообще, иль мне приснилось?
Ах да, Ты тоже там была. Затем —
Лиловый сумрак растворился в утре.

Семья Лукницких: Сережа, Вера Константиновна
и Павел Николаевич. Москва, январь 1973 г.

Портрет

Ты тихо смотришь на меня,
Недостижимая, с портрета.
За что-то, кажется, вина,
Тобой рожденного поэта.

Сойди с картонного листа,
Не загрунтованного мелом,
Недосягаема, чиста
В порыве чувственном и смелом.

Увы. Сквозь сотканный кристалл,
Бесстрастной созданный рукою,
Слова пустые: «Я устал», —
Ты повторила вслед за мною.

Павел Николаевич Лукницкий с сыном Сергеем. Москва, 1973 г.

Отец

Вот и все. И неподвижны
Вновь и солнце, и луна.
Знают только полки книжные,
Что работал Ты — до дна.

Бросьте сплетни об инфаркте,
У природы нет вины,
Прожил Ты вне всяких партий
Всекосмической страны.

Только тот, кто имя Божье
Нес достойно на щите,
Не расписывался ложью,
Не пенял на бездорожье, —
Тот причастен к Высоте!

А когда Ты вновь вернешься
В этот мир, или другой,
Оглянешься, повернешься,
Улыбнешься и проснешься —
Будем снова мы с Тобой.

Карелия, 22.06.1973 г.

Мама

Я не могу, то выше моих сил
Представить всю громаду расстоянья,
Весь свет и огонь от тысячи светил,
Что видны нам во мраке мирозданья.

Соцветье дней
Ты, фолиант любви,
Ты — как гроза за вспышкой поцелуя.
Быть может, потому в заоблачной дали
Ты та, кого так слепо признаю я.

Ты знаешь в мире избранном одна,
Быть может, слишком рано или поздно,
Ты показала мне с какого дна
Вселенная

несет

поэту звезды.

А я с любой из них взгляну во тьму,
В небесное и черное убранство.
Взгляну и вскрикну:
«Время ни к чему,
И ни к чему
бездонное пространство»...

Коктебель, 1972

Ранние стихи, 1970-е

Я не умею уронить слова

Прошел весь лес. А он шаги мои
Пересчитал веселым хрустом веток.
Стою над озером. Горят его струи
Хвостом упавшей в глубину кометы.

Последний луч дерева жжет.
Бледнеет тень, луна уже склонилась,
И чуткий сон пространство стережет,
Чтоб неизведанное ночью мне приснилось.

Я не умею уронить слова
Так, как сумел бы уронить их Пушкин.
И спят в душе они, как дети-острова,
Спят в озере у маленькой опушки.

1971

На небесах

Ясной ночью в звездном поднебесье
Слышу я святые голоса.
Там поют божественные песни,
С неба смотрят на меня Его глаза.

Меж светил как будто вьется пламя
И летит в таинственную даль.
И цветет, раскинувшись над нами,
Вечный перламутровый миндаль.

Солнце выйдет из ночного плена,
Дождь пойдет из тысячи комет,
И восстанет из бывшего тлена
Самый замечательный поэт.

1975

Памяти Н.С. Гумилева

Иду в страну, где есть сокровища,
Где много храбрых погибало.
Но не спугнут меня чудовища,
Ни звуки стрел, ни волны шквала.

Мне небо путь укажет звездами
В волнах пустынь и океанов;
И птицы будут петь над гнездами
В чаду тропических туманов.

И дикари, как уголь черные,
Падут на землю пред кострами,
И назовут меня, покорные,
Царем над всеми их царями.

И отложу тогда винтовку я,
И мне покажут в яме лога
Жрецы с густой татуировкою
От всех скрываемого Бога.

Останусь там, предав забвению
Страну, окованную льдами;
Законы дам, чтоб поколения
Повиновались им веками.

Я приучу их к плугу ладному,
К любви и к мудрому покою,
Я запрещу меняле жадному
Распоряжаться их землею.

И над лесами непрорубными,
Когда уйду по воле рока,
От их племен, гремящих бубнами,
Вспарит к луне душа Пророка.

1976

Видение

К заутрене пойду в собор сегодня
И буду пребывать там в мире грез.
Увижу все: как медленно по сходям
Взойдет в убогом рубище Христос.

А Он — великий, непомерно милый,
Ко мне, земному, тихо подойдет,
Как будто добрый ангел семикрылый
Мне на ухо божественно поет.

И скажет просто, грустен и спокоен,
Иль это мне почудится в бреду:
«Теперь живи! И будь меня достоин,
А в 33 я вновь к тебе приду!»

1974

Я пойду за Ним

Да, я пойду за Ним, бредущим,
И возлюблю любовью брата,
И поднимусь над миром сущим
В пространство черного квадрата.

1974

Истина

Милый друг, в материальной форме
Ты в иной, чем древняя земля,
Расскажи мне про святые корни
Нашего земного бытия.

Что же делать, как узнать решенье
То, что ты поведать мне хотел?
Неужели нужно отрешенье
От привычных, каждодневных дел?

Я замаливать грехи не смею,
Дикие, ужасные грехи.
Лишь прости ту ласковую фею,
Что нашептывает вдруг стихи.

Да еще, пожалуй, утром рано,
На восходе иль в прошедшем сне,
Вижу лик, как в облаке тумана:
Он напоминает о Тебе.

Почему в материальном мире
Не найти оборванную нить?
Ведь еще в некупленном Шекспире
Фраза есть про «быть или не быть»?

Ты, конечно же, сегодня скажешь
Что-нибудь про сущность бытия
Мне, которому потом прикажешь
Превратиться в огненное «Я».

На Валаам

Мы на лодке идем
Сквозь игристую рябь,
Круги солнца томятся над шляпкой.
В каждой искорке дня
Золотая заря
Разливается жаркою шуткой.

Эй, вы там, на корме:
Впереди — острова,
И, конечно, мы первыми будем,
О которых пойдет по планете молва:
«Здесь бывали великие люди!»

На скале, как Христос,
Тот, что огненный челн
Ждет, наверное, много столетий.
Я созвездьями волн,
Дивной негою полн,
Улыбаюсь летящей комете.

Трагедия плохих стихов

Трагедия плохих стихов,
Мне кажется, лежит в незнание
Тех поэтических основ,
Тех непрочувствованных слов,
Что словно кровь из-под оков
Течет, меняя ощущение и сознание.

Мне возразите вы: таков удел,
Пусть начинающих, но все ж поэтов,
Для коих рифма вовсе не предел,
Кто растворить в себе уже сумел
Всю известь, мел и все, о чем тут пел
Его предшественник, знаток святых обетов.

Клочки бумаги! Видели и вы,
Как пишущий становится печальней,
А ваш удел — покоиться, — увы! —
В корзине мелкого позора и отчаянья.

И я, очнувшись от раздумий,
Принял обряд самосожжения.
Да, я, несчастный и безумный,
Убил свое стихотворение.

Что наша жизнь? — Дзинь!

Ну что ты смотришь на меня,
Маня?
Ведь для меня твой дикий взор —
Вздор!
А для тебя нелепый сон —
Стон.
Что ж, так устроена, мой друг, жизнь —
Дзинь!

А что такое мужественность нам,
Так непонятно избранным природой?

Возможность

А для чего возможность бытию?
Не для того ведь, чтоб в венец стремленья
Вплести страдания черную струю,
Отрезав путь надежды к отступленью.

Мне говорят, ужасен этот век.
А я не верю — солнце величаво!
И пусть смеется каждый человек,
Кто видит в нем возможность или право.

Ad infinitum*

Через тысячи лет осталось двое,
Два человека от всей земли.
История вновь штурмовала Трои,
И снова к звездам пошли корабли.

Он, поглядев на экран столетий,
Сказал ей: «Смотри, распинают Христа!
Сколько веков потом люди эти
Будут кричать, что совесть чиста?»

* Ad infinitum — До бесконечности (лат.)

Новый год

А новый год — он будет несравненный,
И мы ему внимаем вдохновенно.
Поклоны клали до земли мы в знак Дракона.
Бог с ним, но встретим семьдесят четвертый
С улыбкою на пламенных устах.
Под знаком змея, дьявола иль черта
Умерший год остался на весах!

1974

В преддверии равенства

Давайте жить, друзья, во здравие,
И наплюем на сущий вздор.
Ведь если сеем мы тщеславие,
Пожнем насмешки и позор.

И в той стране, где люди равные,
Пускай хоть Млечному пути
Я буду гимны петь державные
И буду вновь веслом грести.

Своей пьяненная невинностью,
Планета станет старше вдруг.
И что ж, с наивнейшей причинностью
Войду смиренно в Дантов круг.

И словно в проклятом кошмаре я,
О пощади меня, Земля!
Пред мной два разных полушария —
Какое выбираю я?

Двумя кровавыми восходами
Я упоен и обожжен.
Пред всеми древними народами
Я равен, как священный сон.

И сквозь грозящие пожарища
Я крикну вновь, как дух отца:
«Друзья мои, мы все товарищи.
В преддверье огненного дня!»

Но если спросят вдруг: «Бунтующий,
Ты что вращаешь колесо?»
То я скажу: «Да нет, толпу ищу,
Но ту, в которой Пикассо...»

Угнали «Волгу»

Угнали «Волгу» в Ве-Це-эС-Пе-эС.
Такую бледную, что просто жалость,
Она всегда так тихо улыбалась...
И вот угнали — что ль попутал бес?

И множество тотчас ее подруг,
Встряхнув ресницы, отойдя от сна
Заговорили: «Ничего, весна.
Вернется!» — И таков был этот круг.

И вот она действительно вернулась,
Зимой, когда сугробы длиною рекой,
И с ней пикапчик, маленький такой,
Весь желтый, с длинной белой полосой,
Да, с ним она вернулась...

Дети

Но как же скучно для поэта слово,
Его он точит, как алмазный камень —
А рядом дети, ну и что такого?
Ведь над звездой всегда бушует пламень.

Я все же верю, что вот эти дети,
Преодолев грядущее сознание,
Восстанут вмиг на вспыхнувшей планете
И опрокинут в бездну мирозданье.

И через сотни мнимых измерений,
Притягивающих твой взор материй,
Взгляни, мой друг, на девственность творений
И естество не созданных поверий.

Пред тобой огнедышит вечность,
Пред тобой — миллионы лет,
Как пустынная быстротечность
Погибающих всех комет.

Коктебель, 1974

Коктебель

Гроза иль ветер — лежу на солнце
И с ними нежно речь веду.
А Бог следит за мной в оконце
У всей вселенной на виду.

Тут луг зеленый не покосен,
Белеет парус в синеве,
И скальный профиль там — Волошин
На ухо шепчет рифму мне.

1974

Ночь

За мутным прибором таскается штиль,
Безветренный город купается в дюнах.
Луна светит ярко на тысячи миль
И тихо ночует в потрепанных шхунах.

Как будто на деву, я в небо гляжу
И вижу свою беспощадную эту —
Великую Млечную в небе межу,
А в ней одинокую вижу планету.

Огни золотые и в них паруса,
Мелькают тихонько рыбачьи сети.
Ах, если бы гор голубых голоса
Приснились таинственно-нежной планете.

Конец XX века

Не люблю жениться

Я зимою не люблю жениться.
Мне зимою холодно, друзья,
Да к тому же — мерзнет в колеснице
Бедная избранница моя.

Я весной не люблю жениться,
Потому что, охладев от сна,
В окна, в двери, в душу мне стучится
Зацветающая вновь весна.

Я и летом не люблю жениться,
Летом жарко. Еду на курорт.
Там в порту — портовая девица
То ли «порт» полюбит, то ли спорт.

Но, когда приходит снова осень,
И по крышам барабанит дождь,
Делать нечего, и тело просит очень
Тотчас же испортить чью-то дочь.

А откажешь телу, — так поджаришь
Сонмы чувств на медленном огне.
Подскажи мне, истинный товарищ, —
Что же в дождь и слякоть делать мне?

Может быть, и в осень не жениться?
Но тогда судьба мне не простит...
Ах, скажи мне, крошка кружевница,
Тебя юбка эта не толстит?

Грабли

Я не скажу тебе: «Je t'aime»*,
Напомню только стих:
«Ведь грабли сделаны затем,
Чтоб наступать на них».

Ты слишком долго возвращалась.
Когда пришла — любви уж не осталось.

* «Je t'aime» — «Я тебя люблю» (фр.)

И не страшись, непризнанный поэт,
Что не найдешь ты денег на обед.

Нобелевская премия

Я хоть на сенсации не падкий,
Но мир меня сегодня удивил.
Именем создателя взрывчатки
Премию писатель получил.

* * *

Сперва мы ждали света слова
Для потрясения основ.
Потом мы ждали света снова
Уже в оплату наших слов.

Поэтический вечер в ЦДЛ

Погляди, какая супер-дама
В зал, крадясь, тихонечко вошла.
Как же так — на вечер Мандельштама
Штатная стукачка к нам пришла.

Полный зал каких-то странных типов,
То ли активистов КГБ,
То ли выгнанных из разных VIP`ов,
С мнением высоким о себе.

Странный мир, уже ль ты совершенен?
Ты меня сегодня не беси,
Может быть, какой-то новый Ленин
Появился снова на Руси?

Так вот и живу непримиримо,
Но брататься с вами не хочу...
Оттого и блага мира — мимо!
Я лишь улыбаюсь и шучу.

Про возраст

Я подожду, пока Вам будет сорок,
И тотчас же тогда на Вас женюсь.
По счастью это будет очень скоро,
И вот тогда я Вами наслажусь.

Вы опять прошепчете про возраст,
А я опять во гневе перебыю...
Я принес изысканные розы,
Ведь я Вас безудержно люблю.

И полон был мечтаний взор творца,
Живя вне времени, и в никуда стремясь...

Рассказ Будды

Вчера мне рассказал тактично Будда,
Перебирая четки мелких бус,
Что первым адвокатом был Иуда,
А первым обвинителем — Иисус.

Поздравление Козерогам

Кто родился в знаке Козерога —
Жизнь ведет, как четки крупных бус.
Это знак изысканного Бога,
И под ним прошел свой путь Иисус.

Да, к тому же это в год Дракона,
Так же, как тогда в сороковом.
Коли нет у нас на всех закона,
Мы пойдем по жизни напролом.

И в такой безумный день рожденья
Словно сброшен в будущее мост,
Появилось вдруг стихотворенье,
Больше походящее на тост.

Закусь изготовим из сосиски,
За рулем я — наливаю квас,
А другие — водку или виски,
Чтоб поздравить в этот вечер Вас...

Ты написала SMS

М.Г.

Ты написала SMS,
Ты хочешь вновь пожить в Париже,
Пройти непроходимый лес,
Чтоб ни на шаг не стать мне ближе.

А знаешь ты, что твой Париж
Манит фатально. Это — кредо.
Тебя он позовет, Малыш,
Как всякий, кто кого-то предал.

Мой друг — профессор Гильотен,
Мне говорил не без жеманства,
Машину сделал он затем,
Чтобы подчеркивать дворянство.

В твоём же случае — костер,
Он нежно обвивает леди.
Найдешь, кто руки бы простер
В часы помилования ведьмы.

Валентина Орлова, Сергей Лукницкий и Марина Иванова.

Вале Орловой
на день рождения

Апрель. Двадцатое. Пью квас
Меж стихотворных упражнений.
И с грустью ощущаю Вас,
Мой нежный, беспощадный гений.

В глубинах сердца моего,
Там, где наличествует тайна,
Где не приемлют никого,
Тем более, вот так, случайно.

Там, в сердце, закаляют сталь.
И вдруг — залетная царица,
Одна, среди многих тысяч Валь —
Непобежденная орлица.

Что делать? И вообще — почто?
(Все тихо, даже в глотке сухо).
И не хочу узнать: за что
Свалилась на меня проруха.

Холст. Масло. Может быть, пастель.
Немного света, блеск движенья.
Как жаль, что я не Рафаэль
И мой удел — стихосложение.

Ловлю не образ, душу, тень
Во сне, в бою и на привале.
И в благостный апрельский день
Лишь признаюсь: «Я счастлив, Валя»...

Помощь Пушкину

Так повелось, и в этом милость,
А может быть, и благодать,
Что все поэты разучились
Стихи литые рифмовать.

Пушкин когда-то в «Евгении Онегине» написал:

*«И вот уже трещат морозы,
И серебрятся меж полей,
Читатель ждет уж рифмы — розы.
На, вот, возьми ее скорей».*

С тех пор все русские поэты двести лет
стараятся помочь Пушкину.
Настало и мое время...

«И вот уже трещат морозы», —
Сказал нам Пушкин. Видит Бог,
Что кроме скучной рифмы «розы»,
Найти он ничего не смог.

А вы, потомки верной прозы,
Попробуйте напрячь мозги,
И выньте толстые занозы
Из бытия метаморфозы,
А, если надо, так — угрозы
Веленьям смертного Спинозы,
Чтобы увидеть отблеск зги.

Когда бы нам апофеозы
Простили прошлые обозы,
Невиданные туберозы
Пустили грусть без теплых слез,
То в этот час — не только слезы,
Но даже истины Ламброды
Завянут, словно куст мимозы.
Завхозы где? А вон завхоз.

Несет он черенок от лозы,
Польет ведром из целлюлозы,
Прочтет немножечко из «Озы»,
Посыплет кучкою навоз.
Что нам осталось? Так: березы,
Извозы, возы, паровозы,
Конечно: грезы, как без грез!

Поверьте, это все не позы.
Хотя я не могу без поз.

Я Вам пишу... трещат морозы,
Пойду, сражусь с морозом сим.
Читатель, ждешь ты рифмы «розы»?
Пока! Свободою горим!

Но если спросят вдруг: «Бунтующий,
Ты что вращаешь колесо?»
То я скажу: «Да нет, толпу ищу,
Но ту, в которой Пикассо...».

Беседа поэта с премьером

*(Сергей Лукницкий побеседовал
с Сергеем Кириенко)*

Был в пятницу один момент.
Не выдумка, не байка это,
А непонятный прецедент:
Премьер беседовал с поэтом.

Поэт был сильно возбужден,
Премьер вещал, как будто в вату.
Поэт подумал: «Странно, он
Почти не изъяснялся матом».

Премьер пространно говорил.
Поэт юродствовал, играя.
Мир гармоничен был и мил.
И оба лакомились чаем.

По всем позициям давно
Их убежденья совпадали.
Потом им подали вино,
И это было Цинандали.

Поэт вздохнул. Он за рулем.
Премьера это взволновало.
Он пить привык всегда вдвоем,
Поэтому налил, но мало.

— Вы как относитесь к тому,
Чтобы немедленно и быстро,
Облагоденствовав страну,
Занять вакантный пост министра?

— Я, право, не готов сказать,
Позвольте, позвоню я маме...
Скажите, кто же управлять
В стране отныне будет нами?

Поэт немедля позвонил
И получил благословенье.
Премьер в то время подложил
Еще по ложечке варенья.

— Я с удовольствием, и Вы
Не пожалеете об этом.
А что касается молвы,
Она, увы, сестра наветам.

Потом им в голову пришла
Оригинальная идея,
Хоть и была она пошла,
Что оба — с именем Сергея.

Премьер доволен: «Вот указ,
Он в силу вступит с воскресенья
О назначении. Про Вас.
Не перепачкайтесь вареньем!

Вы мне поможете, мой друг,
Меня заездил избиратель.
В шкафу стоит мой ноутбук,
Вы разбираетесь в нем, кстати?»

Вот так полезен и умен
Тек разговор под Цинандали.
...Потом пришел отряд ОМОН,
И их тотчас арестовали...

16 декабря 1999

Рекомендации на 8 марта

Поймай бегущего коня,
Ребенка сделай от меня,

Сама с ним тихо побузи,
Меня же этим не грузи.

И увеличь поболее грудь,
Помочь свекрови не забудь.

Отредактируй мой роман,
Издатель к нам на вечер зван.

Его ты, милочка, приветь
И приготовь крутую снедь,

А счас, потворствуя слегка,
Налей мне кружечку пивка.

Все прибери, погладь, зашей.
И сметь не думай — не старей.

Я в двух местах прожег штаны —
Того не видно со спины.

Но новый шерстяной костюм
Потребует немалых сумм.

Ты погоди с своим авто.
Мне нужно зимнее пальто.

Таня Семенова, Сергей Лукницкий и Таня Ртицева.

Сергей Лукницкий с Ириной Бакановой.

Твое авто — всего лишь блажь.
Сначала выстроим гараж.

Ремонт квартиры — на тебе.
Моя дотация — в трубе.

Жаль. Я один тебя люблю.
И, как текилу, пригублю.

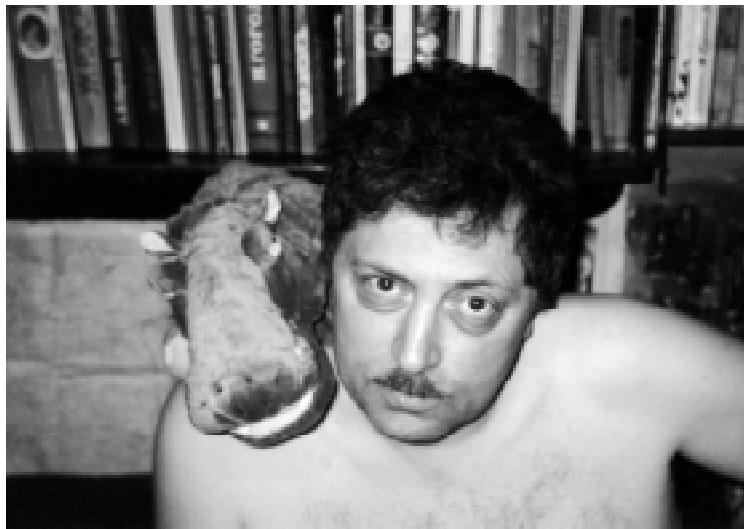
И не беда, что славный муж
По пьяни на пол пустит душ.

Чуть не забыл: сто раз на дню
Ты говори ему: люблю.

Знай, он ведь у тебя один,
И на ночь ставь валокордин.

А чтоб не ведала мытарств —
Еще на двадцать тыщ лекарств.

Во сне увидеть хочешь сон,
Как сильно тебя любит он?

«Рожден в год сухопутного гиппопотама, под созвездием Водолея»
(из автобиографии Сергея Лукницкого).

Жизнь наставила
мне ссадин

Жизнь наставила мне ссадин
Весь в крови живу, пою.
Жала самых разных гадин
Я из раны достаю.

Все кругом в безумном шоке:
Как еще он может жить?
Он, больной и одинокий —
Его надобно любить!

1999

Бытие

Еще вскипает молодость порой,
Но рок затягивает туже удила.
Как распознать ту грань добра и зла,
Которая нарушит наш покой?

Не спрашиваю больше у планет,
Где будущее, прошлое мое?
Как мне узнать, что значит бытие,
Когда любви и ненависти нет?

1999

Новый век

Сергей Лукницкий дома, 6 февраля 2008 г.

Уходят люди навсегда

Уходят люди навсегда,
Чтобы все время возвращаться.
Но остаются их дела,
Они не знают реинкарнаций.

М. А. Федотов, С. П. Лукницкий и М. А. Маркович.

И. А. Близнец, Б. П. Симонов и С. П. Лукницкий.

Друзьям

Много лет ведь прошло с тех пор,
Как мы вместе, мои друзья.
И вступали мы смело в спор,
И ломали копыя не зря.

Не почувствовал я тех лет
Быстрый, неумолимый бег,
Только Лени вот с нами нет...
На висках уже легкий снег.

В день рожденья я вспомню всех,
Попечителей тех годов,
Вашу преданность, шутки, смех,
Всю команду светлых голов.

А новый год — он будет несравненный,
И мы ему внимаем вдохновенно.

Фея

Да, узнаю я эту боль,
В любовь поверить вновь не смея.
Ведь среди сотен тысяч Оль
Ты есть единственная фея.

2004

Чтоб жизнь прожить навечно, навсегда,
Ее прожить нам надобно до дна!

Спеши!

И почувствовав своей душою
Сущность женственной Твоей души,
Я единственной Тебе открою
Тайну дня великого: «Спеши!»

Ты промолвишь трепетно: «Сережа»,
Прошлому внимая вновь и вновь,
Потому что все на свете может
Твоя смелая и сильная Любовь.

2006

Подражание восточному

Ах, из садов волшебных взяты
Теперь изведанные мной
Роскошных губ Твоих гранаты,
В которых пламень колдовской.

Судьбы моей перегорела
Вдруг перепутанная нить...
И мне теперь с душою тело
Так трудно будет примирить!

2006

Волшебство

Ты знаешь яд таких прикосновений!
Они пьянят, как терпкое вино,
И волшебство пленительных мгновений
Познать нам, видно, небом суждено.

Прости меня, я навсегда блаженный!
Твоя любовь разбудит и богов...
И пьяный, я собираю брызги пены
Фарфоровыми чашечками слов.

2006

- Зачем мы здесь: и ты, и я?
- Чтоб мыслью расширять сознание.
- Ты знаешь смысл бытия?
- Он — в двуединстве мироздания.

Люблю

Пусть я путаюсь иногда
И не знаю, что говорю.
Это, Олечка, не беда,
Это я чересчур люблю.

Да и надо ль так говорить,
Чтобы было понятно всем?
От Тебя мне любви не скрывать,
Даже если бы был я нем.

2007

Тебе назначил я, любимая, свиданье,
На нынешнем отрезке временном.

Все в нашей власти

Ты же знаешь: все в нашей власти!
Подари мне звенящий стих,
Нужно только немного страсти,
Нужен смех на губах твоих.

2008

Дмитрий Осипов, Сергей Медведко, Сергей Лукницкий
и Ольга Медведко. Переделкино, 2008.

Мы встретились
на острове земном

Оле

Бесчисленных мгновений благодать
За полстолетья превратилась в силу,
Создавши образ бесконечно милый,
И обаятельный, и мне под стать.

Две тыщи дней, мне кажется, не срок,
Еще две тыщи — тоже не в пределе,
Ряды поклонников пока не поредели,
И жизни яркой не пропал урок.

Мы собрались на острове земном,
И Переделкино — кусочек мирозданья.
Тебе назначил я, любимая, свиданье
На нынешнем отрезке временном.

Что пожелать? Здоровья и любви,
Чтобы друзья не навевали скуку,
Чтобы Всевышний улыбнулся внуку,
И чтоб мгновенья были бы Твои...

Евгений Раевский, Галина Образцова, Сергей Лукницкий
и Ольга Медведко.

Доброта

Доброта — основная черта,
Доброта — не какая-то малость.
Если в женщине есть Доброта,
Значит — Женщина состоялась.

Может быть, и я женюсь

Может быть, и я женюсь на той,
Что пыталась снять с креста Иисуса,
Не боясь ни пыток, ни искуса,
Очарованная Божьей красотой.

Луч звезды

И если первый луч звезды зеленоватой
Принес в наш мир тебя, Душа моя,
То как не видеть сны, что где-то и когда-то
Был лишь созвучием летящим я?

И почему не верить снам тем странным,
Которые роднят меня с былым?
И пользоваться даром, Богом данным,
Зреть истину сквозь пелену и дым?

И пусть я знаю: будет смертью назван
Тот миг, когда прорезав пену туч,
Тебя, Душа, к звезде родной и праздной
Умчит с Земли голубоватый луч.

Содержание

<i>От составителя. О. Медведко</i>	5
Ранние стихи. Сборник «Глоток мимозы»	
Предисловие к сборнику «Глоток Мимозы»	8
Час	9
Ребенок	11
Глоток мимозы	13
Умершее время	15
Наводнение	16
Снята блокада	17
Церковь	18
Москва	19
Карелия	20
Рига	21
Константиново	23
Париж	24
Памяти Пикассо	25
Папе	26
Клен	27
Берег	29
Чувство	30
Отступление	31
Сонет	32
Сатурн	33
Смерть	34
Жизнь прожить	35
Поэт	36

Озарение	37
Самооправдание	39
Мужественность	40
Пятна на солнце	41
Искусство	42
Фреска	43
Художник	45
Коту Ахматовой	46
Кошечка	47
Молитва	48
Кабриолет	49
Чернокудрая	50
Самой легкой	51
Четверостишие	52
Сон	53
Портрет	55
Отец	57
Мама	58
Ранние стихи, 1970-е	
Я не умею уронить слова	60
На небесах	61
Памяти Н.С. Гумилева	62
Видение	64
Я пойду за Ним	65
Истина	66
На Валаам	67
Трагедия плохих стихов	68
Что наша жизнь? — Дзины!	69
Возможность	71
Ad infinitum*	72
Новый год	73
В преддверии равенства	74
Угнали «Волгу»	76

Дети	77
Коктебель	79
Ночь	80
Конец XX века	
Не люблю жениться	82
Грабли	83
Нобелевская премия	85
«Сперва мы ждали света слова...»	85
Поэтический вечер в ЦДЛ	86
Про возраст	87
Рассказ Будды	89
Поздравление Козерогам	90
Ты написала SMS	91
Вале Орловой на день рожденья	93
Помощь Пушкину	94
Беседа поэта с премьером	97
Рекомендации на 8 марта	99
Жизнь наставила мне ссадин	103
Бытие	104
Новый век	
Уходят люди навсегда	107
Друзьям	109
Фея	111
Спешите!	113
Подражание восточному	114
Волшебство	115
Люблю	117
Все в нашей власти	119
Мы встретились на острове земном	121
Доброта	123
Может быть, и я женюсь	123
Луч звезды	124

Литературно-художественное издание

Лукницкий Сергей Павлович

ЛУЧ ЗВЕЗДЫ

стихотворения

Текст и оформление книги даны в редакции составителя

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Русский Двор»

Ответственный за выпуск С. Добрин

Изд. лиц. № 00853 от 25. 01. 2000 г. Сдано в набор 07.01.2009
Подписано в печать 200.01.2009. Формат 84x108/32. Гарнитура
«Futuris». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Тираж 300 экз.

ОАО «Русский Двор»
129224 Москва, Осташковская, 30
rusdvor@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Московской типографии № 6
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадио-
вещания и средств массовых коммуникаций
109088, Москва, Южнопортовая, 24